

Чжоу Цзимин смотрел вслед удаляющейся фигуре Суна Ная, и тень в его глазах становилась еще глубже.

Чжоу Цзимин вместе с Цзян Цзялэ вернулись через низкую стену. Они присели рядом с отверстиями, и Цзян Цзялэ начал рассказывать о том, как в тот день он вызвал полицию.

— В тот день... у меня просто не было выбора... — Цзян Цзялэ опустил голову, теребя сорняки рядом. — Раньше я всё терпел... но они сказали, что этот человек хочет забрать меня... Я не хотел идти с ним, я боялся...

Чжоу Цзимин нахмурился:

— Кто этот человек?

— Я слышал, как все зовут его Вторым молодым господином... Я не знаю, кто он.

— Что он сделал, что ты так его боишься?

Цзян Цзялэ на мгновение перестал дергать траву, уткнулся подбородком в колени и глухо произнес:

— Я не хочу говорить.

— Понимаю, — Чжоу Цзимин стал серьезным, и в голосе появилась отстраненность. — Но ты должен понимать, что мой друг сейчас лежит на твоей кровати, рискуя быть обнаруженным каждую минуту. Мы пришли сюда не для того, чтобы погулять.

Цзян Цзялэ по-прежнему сидел, опустив голову. Чжоу Цзимин похлопал его по плечу:

— Малыш, раз уж ты решился вызвать полицию, будь готов к тому, что произошло. Ты понимаешь, о чем я?

Цзян Цзялэ кивнул.

— Понял, но все равно не хочешь говорить?

Цзян Цзялэ снова кивнул.

— Я буду задавать вопросы, а ты отвечай, хорошо?

Цзян Цзялэ немного помедлил, но в конце концов согласился.

— То, что они с тобой делали, было связано с физическим насилием?

— Да.

— Сильно?

Цзян Цзялэ закатал рукав, показывая руку. Хотя свет был тусклым, Чжоу Цзимин все равно смог разглядеть неровные синяки на его коже.

— Тебя били?

— М-м.

— Тебя насиловали?

При этих словах Цзян Цзялэ напрягся. Он вырвал с корнем пучок травы и с силой швырнул его в сторону:

— Да.

— Как долго это продолжалось?

— С тех пор, как я сюда попал.

— Когда ты сюда приехал?

Цзян Цзялэ, похоже, почувствовал себя спокойнее, раскрыв часть боли, и заговорил больше.

— В 11 лет... Папа умер, тетя не хотела заботиться обо мне, и отправила меня сюда.

— А мама?

— Умерла, когда я родился.

— Почему не сбежал?

Цзян Цзялэ покачал головой:

— Не сбежишь... — Он посмотрел на ночное небо, звезды казались такими далекими. Он протянул руку, но не мог их достать. Ему казалось, что у него даже нет права вдохнуть свободный воздух. — Они говорили, что те, кто пытался сбежать, но был пойман, будут увезены в горы на севере и скормлены собакам...

— В горы на севере?

— Да... Это недалеко отсюда, но мы никогда туда не ходили, боялись... Но... Я видел, как однажды ночью кого-то тащили, посадили в машину, и она поехала в сторону гор...

Цзян Цзялэ опустил взгляд:

— Я больше никогда не видел того ребенка. Наверное, он умер.

Чжоу Цзимин смотрел на Цзян Цзялэ с пустым взглядом, и в душе поднималась тяжесть. Он погладил мальчика по голове:

— Ты очень смелый. Я найду их, живыми или мертвыми.

Цзян Цзялэ повернулся к нему:

— Можно?

— Если бы ты мне не доверял, зачем звонил в полицию? Ты позвонил, значит, веришь.

— Нет, я не верил, — Цзян Цзялэ снова опустил голову. — Я просто надеялся на удачу. Смогу ли я дозвониться, смогу ли передать информацию, придет ли кто-то... Я просто играл в рулетку.

— Почему ты сказал «не верил»? — спросил Чжоу Цзимин.

— Потому что... я видел... — Цзян Цзялэ говорил почти шепотом, будто боялся, что их кто-то подслушивает. — Я видел...

— Что?

— Полицейские приходили.

— Зачем?

— Делали то, что хотели.

Чжоу Цзимин подумал, что, возможно, ослышался:

— Ты имеешь в виду... сексуальное насилие?

Цзян Цзялэ кивнул:

— Я был в ужасе... Мне казалось, что в этом мире никто не сможет нас спасти... Ни семьи, ни денег, ни свободы... У нас ничего нет...

— Цзялэ, — серьезно произнес Чжоу Цзимин. — Сколько еще детей здесь подвергались насилию?

— Не знаю... Сюда периодически приезжают люди, чтобы выбрать детей для усыновления, как будто выбирают овощи на рынке... Они оценивают фигуру, внешность, обсуждают цену... Иногда я думаю, что даже свиньи, которых папа показывал мне на рынке, лучше. Они хотя бы уже мертвы и не страдают.

— Сволочи... — пробормотал Чжоу Цзимин. — Эти люди, они впервые...

— Большинство из них приезжали сюда уже несколько раз... Кто-то рекомендовал их. Я слышал, как они говорили, что у нас нет родителей, и никому нет дела до нашей жизни, так что можно делать что угодно. — Цзян Цзялэ холодным голосом повторял услышанные слова. — Они говорили, что никому нет дела до нашей жизни... Никому нет дела... Кто дал им право решать, жить нам или умереть?

Чжоу Цзимин потер виски, пытаясь собрать мысли. Он решил, что после того, как они уйдут отсюда, нужно будет связаться с капитаном и вызвать подкрепление для обыска гор.

— Ты знаешь, где хранится список всех детей, которых здесь содержат?

— Не знаю. Если бы ты пришел сюда, чтобы купить кого-то, она бы тебе показала. Но она тебе не доверяет, она заставила меня тебя обмануть.

Пока Цзян Цзялэ говорил, они услышали, как вдали заскрипели колеса машины, приближаясь к воротам, затем звук открывающейся железной двери. Кто-то приехал.

— Их гости снова здесь, — Цзян Цзялэ обнял себя за плечи. — Я чувствую, что скоро умру. Они узнали, что я вызвал полицию, избили меня и не позволили встретиться с тем человеком днем. Они сказали, что он хотел купить меня, но я не пошел, потому что был избит, весь в синяках. Я не хотел идти. Если бы избивание помогло мне избежать этого, я бы согласился... Я бы согласился...

Цзян Цзялэ сидел, обхватив себя руками, и бормотал:

— Они не люди, они способны на всё. Они не щадят даже детей. Разве это не приют? Дядя полицейский, разве вы не должны защищать нас? Почему вы помогаете этим людям причинять нам боль?

Как объяснить Цзян Цзялэ этот грязный мир? Иногда и сам Чжоу Цзимин задавался вопросом, почему человеческие сердца могут быть настолько испорченными.

Чжоу Цзимин снова утешительно погладил Цзян Цзялэ по голове:

— Проблема не в «дяде полицейском», а в том человеке, который случайно оказался «дядей полицейским».

— Здесь есть дети младше меня. Как только директор их вызывает, их отводят в VIP-комнату, и дверь закрывается надолго. Снаружи не слышно ни звука, — Цзян Цзялэ немного поднял голову. — Я несколько раз видел, как полицейские выходили из той комнаты. Разные полицейские, в форме. Я всегда пугаюсь, когда вижу их.

Чжоу Цзимин предположил, что эти полицейские, вероятно, местные, иначе как это место могло существовать так долго, оставаясь таким грязным? Как этот приют, который снаружи выглядит прилично, а внутри прогнил до основания, продолжал работать годами, и сюда все еще привозили детей? Это просто безумие!

— Где находится VIP-комната?

— Это комната слева от кабинета директора. Снаружи она выглядит как обычная дверь, но внутри она роскошно обставлена. Там есть всё, что нужно для удовлетворения их желаний.

Пока Чжоу Цзимин мысленно ругался, Цзян Цзялэ вдруг вспомнил что-то и резко поднял голову:

— Ах да!

— Что-то вспомнил?

— Тот человек... кажется, сказал, что вернется вечером. Эта машина...

Чжоу Цзимин почувствовал, как кровь ударила в голову — Сун Най!

Цзян Цзялэ рассказал Суну Наю о своей комнате, и тот быстро нашел ее, вошел и лег на кровать.

Здесь ночью всё так же, как и раньше: двери не закрывают, чтобы патрульные могли видеть, что ты внутри. Почти все дети закутываются в одеяла с головой, потому что даже случайно выставленная нога может стать поводом для насилия.

Но кое-что изменилось. Десять лет назад в комнатах жили по несколько человек, а теперь у каждого своя комната, что облегчило Суну Наю маскировку.